

М.В. Оборина (Тверь)

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И СЕМИОТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ В АСПЕКТЕ ГЕРМЕНЕВТИКИ: СРЕДСТВО, ФОРМА, МАТЕРИАЛ

«Дисциплинирование» понимания за счет упорядочивания процедур интерпретации переместило фокус герменевтического исследования с текстов как таковых на саму познавательную активность субъекта (процессуальную сторону понимания).

В настоящий момент можно выделить в герменевтике три ее ипостаси: 1) **знание** об особых объектах, таких, как «понимание», «интерпретация», «смысл» и др.; 2) **научный предмет**, который может быть представлен в виде набора нормативных техник, операций, процедур и т.п.; 3) **методологическое основание** гуманитарных наук.

Одновременно, вопросами понимания текста занимается и лингвистика, в той ее части, где толкуются строение текста и его особенности в связи с такими явлениями, как «смысл», «содержание» («содержательность»), «форма». Традиционно в лингвистике вопросами текстопостроения занимаются лингвистика текста, лингвостилистика, семиотика, а также ряд дисциплин, посвященных изучению структуры художественного текста (например, поэтика). Отчасти, структурой художественного текста занимаются и некоторые отрасли литературоведения (в частности, литературоведение разрабатывает представления об «идеальных типах» текстов жанрах, стилях и т.п.) Вопросы текстопостроения прорабатываются в лингвистике в некотором отрыве от вопросов процедуры интерпретации и ее сущности, поэтому, интерпретация (в том числе – художественных текстов) бывает сведена к декодированию некоторых «закодированных» в текстах смыслов. Один из видных представителей французской структурной лингвистики и семиотики, Р. Барт, пишет, напротив, о том, что смысл не находится в «конце» рассказа, этот смысл находится на виду, «однако, он ускользает всякий раз, когда его ищут в какой-то одной плоскости» [5: 393]. Это высказывание указывает на возможность для лингвистики выйти за пределы своей собственной действительности при обращении к интерпретации (анализу) текста.

В последнее время как раз происходит некоторый поворот лингвистики и лингвостилистики, в частности, от прагматики и связанных с этой ориентацией постановок проблемы «автор – текст – реципиент» к герменевтике. Это обуславливает необходимость определения путей и способов взаимодействия герменевтической теории и лингвостилистического аппарата анализа вербальных текстов (в частности, художественных). Необходимо отметить, что современный интерес к герменевтике захватил не только философов и представителей филологических дисциплин (эстетики, поэтики, критики), но и классических филологов-лингвистов, представителей структурной лингвистики [22]. Так, Т.М. Николаева отмечает влияние идей герменевтики на исследования текста и теории текста. Заметим, однако, что герменевтика здесь связывается с «декодированием неявного смысла», что не вполне корректно по отношению к этой дисциплине. Тем не менее, отмечают два важных для теории текста следствия влияния герменевтических методов. Это: во-первых, снятие про-

блемы авторской интенции («интенции» в смысле вопроса о том, что «хотел сказать автор», а не интенции в истинном понимании этого слова см. [8]), и, во-вторых, стирание противопоставления действительности (денотата) и интерпретируемого, кодируемого смысла (сигнификата) [22: 38–39]. Приводимое по этому поводу высказывание показывает, на наш взгляд, возможность реального изменения подходов к теории текста в лингвистике: «Лингвистика – это герменевтика речевой практики, экспликация значений, присутствующих в речи лишь имплицитно» [22: 39]. Интерпретатор обязан выявить единство текста и смысла этого текста, что означает выведение смысла текста из него самого. Второе следствие обуславливает соответствующие методы установления единства. Подстановка контекстов при интерпретации в данном направлении теории текста должна быть организована как рефлексивное движение, и, следовательно, необходимо найти «отправную точку», из которой можно было бы разворачивать смысловое пространство. Это уже достаточно близко к положению герменевтики о «релевантной точке зрения». Герменевтические принципы, предметизуемые в лингвистической теории текста, выглядят следующим образом: опора на языковой знак и рассмотрение понимания как упорядочивания семантического пространства с целью выявления некоторого общего, но не явно вербально выраженного смысла текста (см. [22; 21]).

Лингвистика и поэтика занимаются исследованиями особенностей текстопостроения и стилеобразования. Выделенные особенности получают формально-языковое выражение (в частности, это касается представлений о недостаточности/избыточности и импликации/экспликации (и/э) как формальных синтаксических показателей текста), либо психолингвистическую трактовку. В ряде исследований [25; 26] было достаточно давно намечено соединение формальных и психолингвистических характеристик при описании и/э специфики коллоквиального синтаксиса.

Когда лингвистика говорит о понимании, то имеется в виду понимание, во-первых, мира посредством языка, и, во-вторых, языковых знаков посредством объяснения их соответствия отражаемому миру.

В античных теориях языка «стилистические средства», или черты, очевидно выглядят как способы организации речевой цепи таким образом, чтобы это максимально соответствовало правилам той, неязыковой, действительности, в которой речь употреблялась [1]. Это означает уже предзаданность этих способов и возможность их дистрибутирования в соответствии с целями высказывания. Собственно «понимание» в этом случае означает знание соответствий и их законов. Нормы, таким образом, помещаются в объектный мир – например, стилистические нормы произведений искусства включаются в состав самих этих произведений и от этого представление различных стилистических черт постоянно меняется с изменением «жизни». Мы можем сказать, что, например, импликационность в вербальных текстах немецкого романтизма – это одно, а для определения ее же в текстах натуралистической школы потребуется совершенно другая терминология. Таким образом, нет возможности создать понятийные образования, пригодные для использования в качестве методологии интерпретации текстов. Это совершенно естественно, поскольку изначально онтологическая основа лингвистики предполагает изучение эмпирических фактов: ими в данном случае являются и речевые акты, и художественные тексты, и любые языковые проявления. Следовательно, нормы лин-

гвостилистика полагает обнаруживаемыми в языковой действительности. Можно выделить два возможных пути разработки стилистического направления в лингвистике – либо признать, что стилистическую функцию выполняют различные коннотативные семы, либо говорить о несоответствии индивидуального и коллективного денотатов (см. [25]). Оба способа являются весьма плодотворными для стилистики речи, но приводят к волюнтаризму в стилистике текста (особенно художественного). Так, великолепно разработанная концепция стилистики Ю.М. Скребнева [25; 26] построена на изучении разговорной речи и относит предпосылки смысловых явлений к системе языка. В этом случае, языковые манифестации – тексты разговорной речи – служат материалом описания возможностей языка. Дихотомия стилистических свойств текстов на основе существования взаимоотношения со своего рода «коллективным» инвариантным денотатом, т.е. коллективно-нейтрально оцениваемым образом предмета действительности, и субъективным денотатом индивидуального говорящего (социальной группы) приводит к противоречию, которое может разрешиться употреблением либо узואально избыточного, либо узואально недостаточного знака [25; 26]. Однако все попытки применить данное различие в готовом виде при изучении художественных текстов оказываются неудачными, поскольку художественные тексты значительно сложнее нормированной социальной действительности. Нормирование в них осуществляется совершенно иначе, и понять художественный текст как отражение внешнего окружающего мира (или «внутреннего мира» автора) невозможно. Сразу же появляется ряд сложностей, неразрешимых в предмете теории референции.

Рассматривая лингвистический аспект художественного текста и говоря о его семантике, приходится «встраивать» знания о языковых единицах различного уровня в систему определенной деятельности – например, герменевтического анализа текста. Это означает использование языкового анализа в качестве инструментария на одном из уровней анализа художественного текста, и, следовательно, зависимость языкового анализа от более общих принципов, а также включение языкового анализа в рефлексивное усмотрение смыслов и метасмыслов текста на незнаковом уровне.

Необходимо также отметить и ряд проблем, связанных со смыслом языковых выражений и текстов. Традиционно в филологических текстах по поводу стилистического семантического анализа термины «значение», «смысл» и «содержание» «склеиваются» в понятие «план содержания», противопоставляемом «плану выражения» [3; 27; 28; 17; 2]. Содержательная и смысловая сторона текста «склеиваются» в одно целое, что приводит к искажению как одного, так и другого. Также, «смыслом» в прагматике называют мотивы говорящего. Смысл выступает как часть значения – импликационал. В традиционной семантике «смыслом» также считается и коннотация, поскольку она «не выражена». Таким образом, общим является включение смысла в состав знакового образования («смыслоразличение») и трактовки смысла как «невыраженной» информации. Мы в дальнейшем будем придерживаться иного толкования смысла [30], введенного также и в собственно филологический обиход [8; 15]. «Смысл – это та конфигурация связей и отношений между разными элементами ситуации деятельности и коммуникации, которая создается или восстанавливается человеком, понимающим текст сообщения» [30: 94]. При этом становится очевидной недостаточность традиционных лингвистических представ-

лений о смысле, где он всегда понимается слишком узко и никак не связывается с пониманием. По сути, смысл есть остановленное понимание, как понимание есть остановленная рефлексия. Принимая такую точку зрения, уже невозможно проводить анализ текста в режиме ассоциативного перебора значений в поисках смысла, а приходится признать необходимость рефлексивной процедуры рассмотрения текста и субъектного понимания («трансцендентальный субъект»). Это крайне важно для филологической герменевтики с ее гуманитарной познавательной ориентацией, в которой текст – это действительность, познавая которую мы пользуемся, в том числе, инструментами языкового анализа и синтеза.

Еще раз отметим, что в соответствии с приведенным понятием смысла, смысла нет и не может быть в простом акте коммуникации (т.е. в системе «адресат – текст – адресант») и в фиксациях этого акта (отдельных словах, предложениях, выражениях, текстах). Смысл выступает в виде особого представления, в форме знания о смысле, которое является средством, организующим процессы понимания [30: 95] в рамках определенной «кооперативной деятельности», требующей рефлексивного удержания нескольких позиций в пространстве рефлексивной реальности (пространстве логических действий). Это, собственно, и есть ситуация интерпретации вербального текста. Лингвистика, имея своей онтологической и методологической основой теорию отражения, может выступать как источник инструментов отнесения текстов к языковой парадигме (построения значений), а также анализа языковой синтагмы.

Примером такого использования лингвистического анализа, служат, в частности, работы Ю.М. Скребнева. Ю.М. Скребнев определяет сущность новообразований в области употребления слов и грамматических форм как сужение или расширение семантико-грамматического содержания языковых единиц в зависимости от субъективной оценки этих единиц говорящим как адекватных или недостаточных. Всякое содержание манифестировано той или иной формой, а соотношение одного и другого определяет действие языкового субъекта с языком, его отношение к миру вне языка, способ его структуризации.

В предмете филологической герменевтики вербальность как языковое воплощение является только материалом, за которым стоит механизм текстообразования. То, что в языковом плане выглядит как «деградация» или «обогащение» одного плана по отношению к другому, для герменевтики является способом смыслоустройства.

Ряд лингвистов, занимающихся эстетикой и поэтикой художественных текстов, отмечают несоответствие фактов языка и фактов художественного текста (см. [5: 353]). Кроме того, различаются произведение и текст. Произведение вещественно и конечно, функционирует как знак, а текст «есть поле методологических операций», существует в дискурсе, бесконечен, не знаков [6: 406].

А.А. Леонтьев определяет понимание текста следующим образом: «... Сущность восприятия текста – создание образа содержания текста» [18: 23], при этом текст должен быть понят как образ окружающего мира. Лингвистическая связность текста и психолингвистическая цельность его – это две стороны одной монеты и должны соответствовать друг другу [19]. В этом случае и/э в своем лингвистическом средствальном выражении должны будут слу-

жить средством «увязывания» связности и цельности. «Цельность» в данном представлении выступает в качестве характеристики текста как смыслового единства. Рефлексия и восстановление смысла за счет образования и восстановления связей, по сути, не нужна уже там, где возможно наведение соответствий и объяснение использования тех или иных средств выражения.

Представления об интертекстуальности, разрабатываемые в поэтике и семиотике не связаны с теорией ассоциативности (см. [29; 20; 21]). Положения об ассоциативно-апперцепционной природе речевого воздействия, изложенные Л.П. Якубинским в работе «О диалогической речи», имеют отношение только к усвоению лингвистических «костылей» – значений. Общность апперцепционной базы означает наличие у продуцента и реципиента общих предварительных знаний и опыта (цит. по [11: 15]). Выделяется общая и частная апперцепционные базы, где общая апперцепционная база – это некоторый фон общих знаний, свойственных всем носителям языка, а частная апперцепционная база – это знания и опыт коммуникантов в данный момент [11: 194]. Апперцепция как «предвосприятие», «психологическая установка», имеет отношение скорее к психологии речевого акта. Она включает в себя требование того, чтобы коммуниканты были, как минимум, «социальными индивидами» и признавали возможность общения посредством языка. Если мы говорим о восприятии художественных произведений и понимании художественных текстов, то для понимания романа М.А.Булгакова «Белая гвардия» отнюдь не достаточно ни «общности апперцепционной базы», ни знания базового минимума лексических единиц русского языка, ни даже наличия фактической исторической информации о периоде гражданской войны в России.

Обсуждая далее различия представлений о средствах, форме и материале в лингвистике и герменевтике, следует рассмотреть некоторые положения об актуализации и референции в прагматике. На наш взгляд, изложенные ниже положения представляют собой попытку подмены требования рефлексии «естественными» механизмами языковой коммуникации. Так, актуализация может связываться с осмыслением. Актуализация рассматривается как предъявление смысла контролю сознания в связи с ситуацией сообщения и ситуацией общения и включает смысл в речемыслительную деятельность человека. Языковая актуализация означает вербализацию смысла. Очевидно, что с этой точки зрения смысл не связан с рефлексивной деятельностью реципиента, а «существует в готовом виде» и лишь «предъявляется сознанию» в определенной ситуации [23]. Выше было приведено иное представление о смысле, на наш взгляд, более адекватное для исследований в области организации понимания (см. [30: 94]). Выделяется также актуализационная норма, которая представляет собой «систему операциональных категорий, регулирующих взаимодействие всех составляющих языкового процесса» [23: 71]. Соблюдение актуализационной нормы означает соответствие корреляции языковой и внеязыковой актуализации нормам языка. Осмысление, понимаемое как актуализация смысла, всегда включено в определенную ситуацию. Этот момент включения и есть референция [23: 71]. Актуализация осуществляется дважды – как референция и как семантизация. Актуализация некоторого концепта посредством выявления его пропозициональных связей – это семантизация (т.е. определение его как носителя определенных признаков или как признака, присущего определенным носителям). Однако, объектом осмысления является то, ради

чего данный концепт был здесь актуализирован. Этот объект возникает в процессе осмысления за счет референции (отнесения) к определенной ситуации, в которой данному концепту может быть поставлен в соответствие тот или иной элемент реальной или идеальной действительности, и в которой субъект может действовать (ситуация сообщения и ситуация общения, представленные дейктическими координатами К. Бюлера – «я», «здесь», «теперь») [23]. Семантизация и референция не соотносятся во времени или логической последовательности. Очевидно, речь идет о том, что, в связи с произвольностью языковых знаков в их отношении к внешнему миру, для определения референта необходимы дополнительные сведения о дейктических координатах, в которых данное вербально выраженное значение будет не бессмысленно. Для сравнения можно привести рассуждения Ян. Келемена о том, что в сформировавшейся в семиотике системе взглядов слова, как таковые, не имеют референта или денотата – референтность оказывается отношением, возникающим в речевом акте, а не присущим знакам и не заданным вместе со знаком. Значение, в этом случае, выглядит как набор предписаний; выбор одного из них связывается с ситуацией речевого акта [12: 104]. Это послужило, в частности, основой выдвинутой У. Эко идеи «безграничного семиозиса». Видимо, такую трактовку можно в какой-то мере использовать и при интерпретации художественных текстов, стараясь каждый раз прорисовать ситуацию (предметную и языковую), в которой текст будет осмыслен; но встает вопрос о том, откуда возьмется смысл «сам по себе» из значения, и как определить те рамки, в которые мы поставим текст, чтобы он был осмыслен. Собственно, для художественных текстов многое уже выяснено – активно изучаются средства дейксиса (выраженные и не выраженные вербально; см. [16; 10; 14]); кроме того, в социально обусловленных ситуациях смыслы всегда нормированы. В анализе художественного текста исследование актуализации в данном подходе может быть использовано очень узко – например, при рассмотрении только языковых особенностей дробы текста. Выявленные особенности могут затем использоваться как дополнительный инструмент герменевтико-филологического анализа. Исследование языковой актуализации и референции не может обеспечить адекватности восприятия художественного текста само по себе, так же, как средства актуализации и референции не могут быть восприняты как стилистические – стилизующие речь.

Лингвистика имеет дело с текстами как результатом речевого акта, т.е. установленной коммуникацией, а не с художественным произведением, которое принципиально отлично от простого речевого акта, и, в частности, требует иного подхода при интерпретации. Языковой анализ составляет один из аспектов текстового анализа. Э. Бенвенист определял важное противоречие в системе языковых знаков, когда писал о том, что произвольность характеризует отношение знака к предметной действительности, в то время как отношение означающего к означаемому во внутреннем устройстве самого знака закреплено в самой системе языка [7]. Это демонстрирует возможность иного подхода к пониманию отражения и позволяет говорить об отнесении стиля не к системе языка, а к человеческой деятельности с вербальными текстами.

Б. Кепеци основывает свой подход к художественным текстам на лингвистической теории глоссематики [13]. Л. Ельмслев определял денотацию как отношение, которое устанавливается между планами выражения и содержания,

что и конституирует первичный знак. Соединение значений выражения и содержания может стать первой частью нового отношения - коннотации. Знак получает вторичное значение, которое существует одновременно с первичным. На «удвоение» знака указывают работ Р. Барта [4], и В.М. Розина [24].

Языковые знаки в художественном тексте используются не только для передачи знания об объективном содержании, представленном в семантическом поле значений, но и как указания на способ получения этого знания (семантизирующее и когнитивное понимания при рассмотрении интерпретации текста, см. [9]). Л. Ельмслев различил языковую форму и языковую субстанцию, как в плане выражения, так и в плане содержания. Принятие этого положения позволяет Б. Кеpeci определить структуру художественного текста как четырехслойную: 1) языковой слой (субстанция выражения); 2) стилистический слой (форма выражения); 3) жанровый слой (форма содержания); 4) смысловой слой (субстанция содержания) [13: 46]. К стилистическому слою, таким образом, относится использование языка в эстетических целях – выбор слов, система метафор и сравнений, риторические фигуры и ритм. Третий слой включает в себя мотив, на основе которого создается сюжет и оформляется композиция. К субстанции содержания относятся идеи, эмоции (названные еще *pre-text*). Такое представление структуры художественного текста показывает стремление к утверждению его имманентности. Выделение слоев никак не связывается с обращением на текст понимания. Имманентность языка утверждалась и в глоссематике. Однако мы можем предположить возможность выхода к стилистическому анализу из этих позиций – когда стиль принадлежит самому тексту.

Различные подходы отраслей лингвистики к рассмотрению стиля и стилистики в связи с вопросами понимания показывают необходимость методологического различения форм существования стиля: одновременного бытия существования его как метода, связанного с человеческой субъективностью и динамикой и как сущностной характеристики, закрепленной в языковой системе

Интерпретация вербальных текстов в рамках теории отражения и вытекающей из нее теории референции сводится к нахождению соответствующих парадигматических и синтагматических значений элементов текста в языке; но понимание (усмотрение) смыслов и содержания текстов, на наш взгляд, невозможно при отсутствии представлений о внеязыковой текстовой действительности.

Язык как социальное образование обслуживает культуру в качестве инструмента и оформляющего материала, и функции языка в культуре отличны от его функций в социуме.

Лингвистическая стилистика создает необходимую основу для представления языковой парадигмы отнесения текста, и ее аппарат может служить инструментом интерпретации художественных текстов.

Предметизация основных понятий семиотики и лингвистики текста в филологической герменевтике дает новый инструментарий интерпретации текстов в парадигме «текст – человек – мир».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Античные риторика. – М.: Изд. Московского ун-та, 1978.– 352 с.
2. Арнольд И.В. Импликация как прием построения текста и предмет филологического обучения // Вопросы языкознания. 1982. – №4. – С. 83–91.
3. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 607 с.
4. Барт Р. Основы семиологии // Структурализм «за» и «против». – М.: Прогресс, 1975. – с. 114–163.
5. Барт Р. Критика и истина.//Зарубежная эстетика и теория литературы. - Москва: изд. Московского университета, 1987. – С. 349–387.
6. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. – М.: Прогресс, 1989. – 616 с
7. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974. – 447 с.
8. Богин Г. И. Филологическая герменевтика. – Калинин: КГУ, 1982. – 86 с.
9. Богин Г.И. Типология понимания текста: Учеб. пособие. – Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1986. – 87 с.
10. Дрига С.С. Социальный дейксис дискурса массовой коммуникации (на материале ток-шоу): Дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2008. – 136 с.
11. Земская Е.А. Русская разговорная речь. / Под ред. М.В. Китайгородской, Е.Н. Ширяева. М.: Наука, 1981. – 276 стр.
12. Келемен Я. Текст и значение // Семиотика и художественное творчество. М.: Наука, 1977. – С. 104–125
13. Кепеци Б. Знак, смысл, литература // Семиотика и художественное творчество. М.: Наука, 1977. – С. 42–58.
14. Крылов С.А., Падучева Е.В. Дейксис: общетеоретические и прагматические аспекты // Языковая реальность в аспекте лингвистической прагматики. – М.: Наука, 1983. – С. 34–47
15. Крюкова, Н.Ф. Метафора как средство понимания содержательности текста: Автореферат дис. ... канд. филол. наук. – М., 1988. – 18 с.
16. Кухаренко В.А. Типы и средства выражения импликации в английской художественной речи (на материале прозы Э. Хемингуэя) // Филологические науки, 1974. – № 1. – С. 38–52
17. Кухаренко В.А. Интерпретация текста.-2-е изд., перераб. – М.: Просвещение, 1988. – 230 с.
18. Леонтьев А.А. Понятие текста в современной лингвистике и психологии // Психолингвистическая и лингвистическая природа текста и особенности его восприятия. – Киев: Вища школа, 1979. – С. 7–18.
19. Леонтьев А.А. Восприятие текста как психолингвистический процесс /Психолингвистическая и лингвистическая природа текста и особенности его восприятия – Киев: Вища школа, 1979. – 18–29
20. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970. – 384 с.
21. Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста. – Л.: Просвещение, 1972. – 270 с.
22. Николаева Т.М. Единицы языка и теория текста // Исследования по структуре текста. – М.. 1987. – С.27–57.
23. Попов Ю.В., Трегубович Т.П. Текст: структура и семантика. – Минск: Вышэйш. школа , 1984. – 189 с.

24. Розин В.М. Опыт гуманитарного исследования художественной реальности поэтических произведений // Проблемы гуманитарного познания. Новосибирск, 1986. С. 117–141.
25. Скребнев Ю.М. Очерк теории стилистики. – Горький: Изд-во Горьк. гос. пед. ин-та, 1975. – 175 с.
26. Скребнев Ю.М. Введение в коллоквиалистику. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1985. – 210 с.
27. Сильман Т.И. Проблемы синтаксической стилистики. – Л.: Просвещение, 1967. – 152 с.
28. Сильман Т.И. Подтекст – это глубина текста // Вопросы литературы, 1969, №1. – С. 89–102
29. Тодоров Цв. Поэтика // Структурализм: «за» и «против». – М.: Прогресс, 1975. – С. 37–113.
30. Щедровицкий Г. П. Смысл и значение // Проблемы семантики: Сб. – М. Наука: 1974. – С. 78–111.